

НОСТАЛЬГИЯ В СИСТЕМЕ БАЗОВЫХ ОППОЗИЦИЙ ДОБРО И ЗЛО
В АВТОДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ *ДЕТСТВО 45–53: А ЗАВТРА БУДЕТ
СЧАСТЬЕ И СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ ВРЕМЯ СЕКОНД ХЭНД*

NOSTALGIA IN THE SYSTEM OF BASE OPPOSITION OF *GOOD
AND EVIL* IN NON-FICTION BOOKS *CHILDHOOD 45–53:
THERE WILL BE HAPPINESS TOMORROW* BY LYUDMILA ULITSKAYA
AND *SECONDHAND TIME* BY SVETLANA ALEXIEVICH

LUDMIŁA SZEWCZENKO

ABSTRACT. The vision of the world portrayed in L. Ulitskaya's and S. Alexievich's books is built upon the basic opposition of *good* and *evil*. The category of prosthetic memory is juxtaposed with the personal experience of participants and witnesses of the past epoch who tell us about the past. The memories of the *lost paradise* of the serene years bring about narrators' and responders' nostalgia.

Keywords: base opposition, *good* and *evil*, prosthetic memory, nostalgia

Ludmiła Szewczenko, Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, Kielce – Polska, ludaliter@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3939-2438

Известно, что „ностальгия (от др.-греч. νόστος ‘возвращение на родину’ и ἄλγος ‘боль’)” [*Ностальгия*] – это тоска по родине, по родному дому, шире – тоска по прошлому, связанная с эмоциональными переживаниями и воспоминаниями о нем. Ностальгия входит в качестве органической составной в так называемую автобиографическую память, которая

тракуется как онтогенетически позднее психологическое новообразование, высшая мнемоническая функция, складывающаяся в совместной опосредствованной знаковыми системами деятельности людей. АП (автобиографическая память – Л. Ш.) организована по смысловому принципу, оперирует с личностно соотнесенным опытом, обеспечивает формирование субъективной истории личного прошлого и переживание себя как уникального, протяженного во времени субъекта жизненного пути [Нуркова 2011: 80].

Как отмечает Евгений Новиков, „ностальгия содержит в себе элемент рефлексии, т. к. подразумевает сравнение прошлого с настоящим (как

правило, в пользу прошлого), в том числе по этическим основаниям” [Новиков 2009]. Это сравнение невозможно вне базовых оппозиций *добро* и *зло*: „нормативно-оценочных категорий, относящихся к социальным явлениям, действиям и мотивам людей, и означающих в обобщенной форме, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, а с противоположной – нравственно-отрицательное и осуждаемое” [*Добро и зло*].

Ностальгия по СССР, или советская ностальгия, это

комплексное социальное явление в России и странах постсоветского пространства, а также в среде русскоязычных граждан дальнего зарубежья, родившихся в СССР, затрагивающее коллективную память об эпохе Советского Союза и связанных с ним деталях [*Ностальгия по СССР*].

Ностальгия по СССР включает в себя тоску по „развитой социальной системе Советского Союза; симпатии к советской культуре; отношение к целям и задачам СССР как к «великим», «грандиозным» даже у противников режима; положительное отношение к определенным деталям советского быта” [*Ностальгия по СССР*], к здравоохранению, социальному обеспечению и системе образования, ко всему советскому образу жизни людей, опирающемуся на традиции коллективизма и патернализма, которые осмысляются многими как *добро*.

Ностальгия по СССР как явление массовое обусловлена, с одной стороны, тоской по ушедшему детству и молодости выросших в советской стране, с другой – ухудшением жизни людей, недовольством их своим положением после распада СССР, идеологическим кризисом, поиском новых и старых ориентиров. Как отмечает Анна Чикишева, уже сама неудовлетворенность реалиями повседневного быта, их несоответствие тому, что было, и идеалам, как и несоответствие новых „веяний” и тенденций сформировавшимся ранее представлениям о добре и должном, приводят к мифологизации прошлого. Исследовательница подчеркивает, что

[...] российская культура предрасположена к социальному мифотворчеству вообще и к ностальгии, в частности. Главным образом это связано с тем, что развитие культуры в России происходило рывками и нередко кардинально меняло свой вектор от эпохи к эпохе. Поскольку существование общества „без прошлого” невозможно, ностальгический миф выступал как аккумулятор значимых норм, ценностей, традиций, которые необходимы для воспроизведения социальных условий жизнедеятельности. России свойственно социально-утопическое проектирование будущего, где утопия выступает формой политического целеполагания, а способом осмысления прошлого является миф [Чикишева 2009].

Анна Чикишева солидаризуется с утверждениями Юрия Левады о том, что

[...] с момента зарождения в России общественного сознания его доминантой была романтическая концепция „счастливого прошлого“. Формальные истоки этого феномена – идеологическое влияние немецкого романтизма и французских течений периода Реставрации. Реальные же кроются в особенностях российской модернизации, которая сталкивается с сильнейшим внутренним сопротивлением (под лозунгами „остаться собой“, „сделать по-своему“, „вопреки“ и т. п.); это касается не только прямых консерваторов, но почти всех отечественных прогрессистов – от ранних славянофилов и первых народников до большевиков и их державно-реформаторских преемников. Свою лепту в распространение стереотипов ностальгического романтизма внесли утопические социалисты и революционеры, в том числе и марксистские. В XIX – начале XX века практически вся социалистическая критика капитализма [...] ориентировалась на патриархальные или просто архаические (общинные, монастырские и пр.) образцы „домодернизационного“ происхождения, по значению своему противостоявшие опасным новшествам“ [Чикишева 2009].

Исследовательница справедливо заключает, что нынешняя ностальгия по СССР представляет собой состояние переходного периода, „соединяющее в себе и утопию совершенно особого рода (утопию с обратной проекцией), и она же представляет собой цельный мифообраз, так называемый ностальгический миф – яркий, чувственный, живой“ [Чикишева 2009]. Мы же видим его как в передачах и фильмах на всех каналах российского телевидения, так и в проявляющем себя в разных сферах и эксплуатируемом рекламой и новой идеологией так называемом „советском ретро“, в музеях советского быта, появлении ассоциируемого с советской музыкой жанра *sovietwave* и проч. Обнаруживается он и в разножанровых произведениях как художественной, так и художественно-документальной литературы, в частности, в автодокументальных произведениях, опирающихся на автобиографические воспоминания, личные документы участников и очевидцев происходивших событий.

К примеру, в книге Людмилы Улицкой *Детство 45–53: а завтра будет счастье*, которую относят к *ready-made* текстам и к „сентиментальной «литературе факта»“ [см. Красовская 2014], собраны воспоминания тех, чье детство пришлось на конец войны и на первые послевоенные годы. Организовав литературный конкурс „После Великой Победы“, писательница получила сотни писем от своих ровесников – россиян, жителей бывших советских республик, а также Израиля, США, Канады, Австрии и Австралии „с воспоминаниями, с простыми словами о жизни, прошедшей в жутком страхе и большой надежде, искренней вере и пламенной любви, уверенности, что «завтра обязательно будет счастье» несмотря ни на что“ [От издательства 2013: 531]. Отобрав те из них (или их фрагменты), которые наиболее ярко, с ее точки зрения, освещали какое-то яв-

ление, писательница рассортировала их по тематическим главам *Ели...*, *Пили...*, *Мылись...*, *Одевались...*, *Играли...*, в которых заявленное в названиях содержание было главным объектом рефлексии респондентов, и сосредоточила свое внимание на их самосознании. Помимо упомянутых, в книге имеются главы *День Победы*, *Жизнь двора*, *Коммуналки и соседи*, *Животные*, *Школа*, *Детдом*, *Жизнь города*, *Жизнь деревни*, *Инвалиды*, *Про страх*, *Все умрут*, и *Сталин тоже...*, а также *Биографии в письмах*, и все это взятое вместе создает мозаичный эффект, позволяющий раскрыть само время, ибо „история – это и быт того времени, это реальная атмосфера, в которой живем мы или в которой жили поколения наших предков” [Дзюба 2008: 29].

Книга *Детство 45–53: а завтра будет счастье* дает читателям представление о жизни первого послевоенного десятилетия во всем многообразии ее бытовых подробностей и деталей. Каждой из них в их отношении то ли к гастическому (раскрывающему знаковые и коммуникативные функции пищи, напитков в их культурологическом осмыслении), то ли, конечно же, к неосознанно употребляемому респондентами вестиментарному коду (состоящему „из знаков реальной одежды, который направлен непосредственно на конструирование означаемых” [Барт 2003: 45]) как кодам „прочтения” прошлого времени, помимо предметности присуща изобразительная емкость. За счет же производимых Улицкой отбора и сегрегации материала, работающих на его типизацию, а также различных способов его обработки и интерпретации, реалии времени, факты, подробности, упоминаемые респондентами, трансформируются во всей книге в документальные образы. Авторы присланных писательнице автобиографических материалов с любовью вспоминают все те реалии очень убогого послевоенного быта, которые облегчали, а порой и спасали им жизнь в те далекие годы, с особенной теплотой и сердечностью пишут об искренности отношений между людьми, об утраченных ныне взаимовыручке, коллективизме и оптимизме людей того времени, их вере в будущее и умении „радоваться простым радостям” [Улицкая 2013: 199]. Ровесники Улицкой описывают своих родных и близких, друзей и соседей, нелегкий послевоенный быт, школьную жизнь, игры и жизнь двора, причем большинство из этих воспоминаний „написаны с нежностью и ностальгией” [Улицкая 2013: 162]. Реже в их письмах встречаются воспоминания о проявлениях несправедливости, подозрительности и жестокости по отношению к военнопленным, калечкам и детям-сиротам – воспоминания, заставляющие Улицкую думать, что „...сидят где-то в глубинах человеческой природы потенциалы разные, добро и зло ведут свою борьбу именно на этом персональном уровне” [Улицкая 2013: 7].

Конечно же, все, о чем написали Улицкой ее респонденты, содержит в себе ностальгию, прежде всего, по детству и юности, по годам, когда многого из того, что тогда совершалось в стране они, будучи малолетками, просто не видели или не понимали. К тому же их память о прошлом отягощена тем, что уже на нее „наложилось” со временем под влиянием пропаганды. То есть в их воспоминаниях мы видим то, что Элисон Ландсберг назвала *prosthetic memory* – памятью протезированной. Как отмечает Марина Балина, эта память базируется не только на личных, пережитых воспоминаниях, но и на

смеси широко доступных и распространяемых средствами массовой информации фактов, легенд, мифов. [...] Весь этот сплав прочитанного, пережитого, услышанного поступает в „личный архив”... и интенсивно переживается... формируя отношение к реальности [Балина 2003].

И здесь важную роль начинает играть слово автора-составителя книги этих воспоминаний – Улицкой, с одной стороны, акцентирующей аутентичность, правдивость и ценность всех представляемых ею свидетельств, с другой, – осмысляющей их с точки зрения своего опыта тех же лет и с позиции внутренне противоречивого времени составления текста всей книги, одновременно и продолжающей культивировать миф о советской стране, и его разоблачающей, разрушающей. Взгляд на прошлое Улицкой, также выступающей в произведении как свидетель эпохи, шире, чем у ее респондентов, к тому же условием конкурса ограничивших воспоминания лишь периодом своего созревания. Неслучайно она замечает, что за ностальгией по детству в упоминаемых ими вскользь фактах и подробностях ей видны все те ужасы, что пережило ее поколение. Неслучайно уже в предисловии к книге она пишет:

Сложенные вместе, отрывки из писем людей разного возраста, социального происхождения и образовательного уровня меняют отношение к событиям прошлого, расставляют акценты иные, чем те, к которым мы давно привыкли. Они показывают изнанку советского мифа, правду жизни маленького человека, которому дана одна-единственная жизнь во времени, „которого не выбирают”... [Улицкая 2013: 6].

Каждую из глав книги *Детство 45–53: а завтра будет счастье* предваряют рассуждения самой Улицкой о прошлом и настоящем, ее раздумья философско-этического содержания и личные воспоминания, представляющие ее как ровесника и свидетеля той же эпохи. В этих предисловиях к главам писательница размышляет о том, как формировалась этика ее поколения, проявляющаяся в связях между людьми, в отношении к близким, к соседям, к вещам и пище, как менялись со временем пред-

ставления о своих и врагах, об „отце народов”, военнопленных и заключенных, причем большинство этих размышлений дополнены экскурсами в историю, данными официальной и неофициальной статистики, документами и отсылками к разным российским и зарубежным архивным источникам, трудам социологов и психологов, что, в свою очередь, служит коррекции тех неточностей и ошибок, которые неизбежны при ностальгических воспоминаниях. Особенной же остротой отличаются рассуждения Улицкой о русской ментальности, русском национальном характере, противоречиях русской истории и русской мысли касательно *добра* и *зла*, их трактовок и восприятия разными представителями ее поколения в разные десятилетия. По своей сути все эти раздумья писательницы являются своего рода моральной рефлексией над автобиографической ностальгией ее респондентов, и их значение неопределимо. Как справедливо отмечает Евгений Новиков,

именно с помощью такой рефлексии можно обнаружить слабые стороны ностальгии (например, неоправданную идеализацию некоторых аспектов прошлого) и игнорировать полученную в результате нее реконструкцию прошлого, зная, что она ошибочна. Именно при такой рефлексии над ностальгией оказывается не просто возможным, но и необходимым сосуществование „светлой тоски” по одним эпизодам прошлого и раскаяния в других [Новиков 2009].

И именно эта рефлексия организует само восприятие всех представленных в книге *Детство 45–53: а завтра будет счастье* воспоминаний в параметрах базовых оппозиций *добро* и *зло*.

К автодокументальным произведениям, осмысляющим ностальгию по СССР, можно отнести также книгу *Время секунд хэнд*, представляющую собой расшифровки магнитофонных записей интервью и бесед Светланы Алексиевич с участниками и свидетелями реальных событий, связанных с историей СССР 20., 30., военных и послевоенных годов, с периодами хрущевской „оттепели”, застоя и перестройки, с „бандитскими” девяностыми и современностью. Петр Вайль определяет ее жанр как „oral history – устная история” [Вайль 2008]. Этот термин на Западе широко распространен в профессиональном словаре историков, а также в культурологии и журналистской документалистике. Его появление связано с использованием новых технических средств, благодаря которым „устная история” обрела статус полноценного исторического источника и „возродила древнейший метод исторического исследования” [Хубова 1992]. Отметим, что этот же метод для сбора устных воспоминаний использует и Алексиевич, однако ее подход к материалу отличен от практикуемого культурологами и историками, а также теми западными журналистами-документалистами, которые

работают в рамках широкого антиэстетического движения и противостоят своим творчеством миру художественному, его десакрализируют и обнажая. Отличен он и от того, что являет читателям документалистика эпохи постмодернизма в целом, которой, как пишет Елизавета Манскова, присущи

плюрализм мнений и общая десакрализация, уход из „вертикали“ в „горизонталь“ (внимание к культуре повседневности и быту вместо бытия), отрицание фундаментальных культурных оппозиций „высокое – низкое“, моральное – аморальное [Манскова 2011].

В книге *Время секунд хэнд* все события, связанные как с жизнью в СССР, так и на постсоветском пространстве, действительно предстают в их обыденном, будничном измерении, раскрывающем время в параметрах жизни обычного человека. В произведении даны разные представления о событиях, ибо писательнице „хотелось, чтобы каждый прокричал свою правду“, и у нее „все говорят – и палачи, и жертвы“ [Игрунова 2016: 498]. Светлана Алексиевич демонстрирует разные впечатления и эмоции своих соотечественников в связи с настоящим и прошлым, показывает варианты носящихся в их умах идей и воспоминаний об СССР в координатах ими же понимаемых *добра* и *зла*. Часто не совпадая друг с другом и с тем, как их трактует писательница, они вступают в диалогические отношения не только между собой, но и с ее авторским словом, образуя многоголосый хорал. Причем все его голоса, в них представленные во всем единстве для читателя, выступают „не как «сама реальность», а как ее идеальная конструкция, «как модель», активно соотносимая с оригиналом“ [Дзюба 2008: 29]. Писательница все ими сказанное, „пропетое“ уже отобрала, систематизировала, обращаясь как к тематическому и хронологическому, так и к повествовательному монтажу, выстроила в соответствии с логикой и движением своей мысли, дополнила документами и фактическим материалом, снабдила отдельными комментариями и ремарками, подкрепив в конце книги своими суждениями как носителя замысла произведения в его идейном и образном воплощении. То есть в книге фундаментальные оппозиции *добро* и *зло*, *моральное – аморальное*, *высокое – низкое*, *прекрасное* и *безобразное*, несмотря на представленный калейдоскоп их трактовок, четко определены. Сам же материал, благодаря бережному к нему отношению Алексиевич, сохраняет свое аутентичное и сакральное содержание и дополняется привносимым в него как художественным, так и эстетическим компонентом.

В книге Алексиевич представлена ностальгия по разным периодам жизни СССР и годам постсоветского времени. В устных рассказах и в ин-

тервью ее собеседников фигурируют революция, коллективизация и индустриализация, голодомор и репрессии, культ личности Сталина, героизм и трагизм бытия человека в военное время и послевоенные годы; иллюзии „оттепели“ и преследование свободомыслия в брежневские времена, вера в лучшую жизнь в горбачевский период и крушение всех надежд в девяностые; распад страны, обострение межнациональных и межконфессиональных конфликтов; обнищание населения и утрата иллюзий касательно нового жизнеустройства, персональная и социальная ностальгия по прошлому и ее усиление в веке нынешнем. Одни из тех, кто „намертво прирос к идее, впустил ее в себя так, что не отодрать – государство стало их космосом, заменило им все, даже собственную жизнь“ [Алексиевич 2016: 8], с ностальгией рассказывают о жизни в СССР и трактуют все, с нею связанное, как *добро*; другие же, выросшие на „самиздате“ и „тамиздате“, в ней видят *зло*, вспоминают с восторгом то „ощущение праздника“ [Алексиевич 2016: 231], что сопутствовало перестройке; третьи мечтают о такой идее для русских людей, „от которой мороз по коже и мурашки по позвоночнику“ [Алексиевич 2016: 199]: „Русскому человеку надо во что-то верить... Верить в светлое, возвышенное“, ибо у него „в подкорке заложена империя и коммунизм“ [Алексиевич 2016: 38]. Причем все, *что и как* они вспоминают, для них еще живо, и это подтверждает мысль Мартина Хайдеггера, что „прошлое – это не то, что осталось позади, чего уже больше нет, а то, что постоянно присутствует и определяет собою как настоящее, так и будущее“ [Хайдеггер 1998: 337]. Вывод же самой писательницы однозначен: социализм закончился, но на смену ему желаемое не пришло:

Потому что все идеи, слова – все с чужого плеча, как будто вчерашнее, ношенное. Никто не знает, как должно быть, что нам поможет, и все пользуются тем, что знали когда-то, что было прожито кем-то, прежним опытом. Пока, к сожалению, время секунд хэнд [Игрунова 2016: 503].

Как видим, в опирающихся на автобиографические воспоминания и личный документ книгах Людмилы Улицкой *Детство 45–53: а завтра будет счастье* и Светланы Алексиевич *Время секунд хэнд* ностальгия по СССР россиян заявлена во всей вариативности и широте. Причем в обоих случаях существенную роль в ее осмыслении играет по-разному актуализированная в пространстве произведений и организующая восприятие всех материалов рефлексия автора, выводы, к которым „подводят“ читателей обе писательницы, размышляя о времени и о сути *добра* и *зла*.

Библиография

- Алексиевич С. 2016. *Время секунд хэнд*, Москва: Время.
- Балина М. 2003. *Литература non fiction*, [в:] А. Абрамов, М. Айзенберг, М. Балина, С. Гандлевский, Л. Гудков, И. Клех, О. Либкин, С. Лурье, Н. Работнов, А. Чудаков, *Литература non fiction*, „Знамя”, № 1, электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/rl.html> (доступ 7.06.2017).
- Барт Р. 2003. *Система Моды. Статьи по семиотике культуры*, пер. с франц., вступ. слово и составление С. Зенкина, Москва: Изд-во им. Сабашниковых.
- Вайль П. 2008. *История устная и частная*, Радио Свобода 31.05.2008, электронный ресурс: www.swoboda.org/a/449920.html (доступ 21.06.2017).
- Дзюба І. 2008. *Спогади і роздуми на фінішній прямій*, Київ: Криниця.
- Добро и зло. Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Добро_и_зло (доступ 10.07.2017).
- Игрунова Н. С. 2016. „Социализм кончился. А мы остались”. *Беседа со Светланой Алексиевич*, [в:] С. Алексиевич, *Время секунд хэнд*, Москва: Время.
- Красовская С. 2014. *Переиздание как фермент литературной эволюции: Андрей Сергеев. Отпibus. Роман, рассказы, воспоминания, стихи*, „Знамя”, № 4, электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/4/27k.html> (доступ 2.10.2018).
- Левада Ю. А. 2002, „Человек ностальгический”: реалии и проблемы, „Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены”, № 6 (62).
- Манскова Е. А. 2011. *Современная российская теледокументалистика: динамика жанров и средств экранной выразительности*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург: ЕГУ, электронный ресурс: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3561/3/urgu085s.pdf> (доступ 30.06.2017).
- Новиков Е. В. 2009. *Нравственный смысл ностальгии*, диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук, Москва: МГУ, электронный ресурс: www.dissert.com/content/nravstvennyj-smysl-nostalgii (доступ 7.06.2017).
- Ностальгия. Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ностальгия> (доступ 10.07.2017).
- Ностальгия по СССР. Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ностальгия_по_СССР (доступ 10.07.2017).
- Нуркова В. В. 2011. *Автобиографическая память с прозиций культурно-деятельной психологии: результаты и перспективы исследования*, „Вестник Московского университета. Психология”, серия 14, № 1, электронный ресурс: www.mspsuj.ru/pdf/vestnik_2011_1/vestnik_2011-79-90.Pdf (доступ 7.06.2017).
- От издательства. 2013, [в:] Л. Улицкая, *Детство 45–53: а завтра будет счастье*, Москва: АСТ.
- Светлана Алексиевич. Электронный ресурс: <http://www.litportal.ru.all/author5481/about.html> (доступ 7.06.2017).
- Сивакова Н. А. 2014. *Цикл Светланы Алексиевич „Голоса Утопии”: особенности жанровой модели*, „Известия Гомельского гос. Ун-та им. Ф. Скорины”, № 1 (82), электронный ресурс: hero.gsu.by/bitstream/123456789/1118/1/35%20Сивакова%2848-151%29.pdf (доступ 7.06.2017).
- Улицкая Л. 2013. *Детство 45–53: а завтра будет счастье*, Москва: АСТ.

- Хайдеггер М. 1998. *Прологомены к истории понятия времени*, пер. с немецкого Е. В. Борисова, Томск: Водолей.
- Хубова Д. Н. 1992. *Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва: РГУ, электронный ресурс: cheloveknauka.com/ustnaya-istoriya-i-arhivy-zarubezhnye-konseptsii-i-opyt (доступ 1.05.2017).
- Чижишева А. С. 2009. *Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре*, [в:] Л. Спивак (ред.), *Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса*, Москва: Новый хронограф: Эйдос, т. 6, электронный ресурс: <http://ec-dejavu.ru/n/Nostalgia.html> (доступ 7.06.2017).